

КРУГЛЫЙ СТОЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ВЫХОДУ В СВЕТ КНИГИ

**«Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века» /
Под общ. ред. А. Ю. Андреева и С. И. Посохова. М.: РОССПЭН, 2012.
671 с.**

В конце минувшего года вышла в свет коллективная монография, завершившая труды международного проекта по истории университетов, в котором принимали участие три сотрудника Исторического факультета ПСТГУ (А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков и А. М. Феофанов). Редакция «Вестника» обратилась к ведущим ученым, специалистам в области изучения университетского образования с просьбой высказать свое мнение о вышедшей книге и об итогах проекта в целом.

Н. Катцер, профессор, директор Германского исторического института в Москве

В течение долгого времени изучение истории университетов в Российской империи оставалось исключительно уделом узкого круга специалистов, кропотливая исследовательская работа которых позволила раскрыть уходящие в XVIII в. истоки системы университетского образования в России и показать стремительное развитие этой системы с начала XIX в. Однако в целом те качественные изменения, которые привели к основанию университетов, оставались недостаточно освещенными. Перелом 1914–1921 гг. в российской истории не в последнюю очередь повлек за собой пренебрежение культурным наследием империи, его переистолкование и даже забвение. Первая мировая война, революция и Гражданская война в значительной мере стерли воспоминания о «старом» университете. Учебные заведения советского периода, казалось, открыли новую, не имевшую под собой фундамента главу в истории российского образования.

Такие историографические недостатки побудили группу ученых из России, Украины и Германии выработать концепцию многолетнего проекта по университетской истории Российской империи. Германский исторический институт в Москве поддержал эту инициативу и взял на себя координирование проекта «Ubi universitas, ibi Europa», поддержанного Фондом Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung). В осуществлении проекта принимали участие ученые из российских, украинских и немецких университетов.

Задачей участников проекта было исследовать на региональных примерах университетов центра, юга и востока Российской империи комплексные предпосылки возникновения, а также динамичное развитие институциональных структур университетов и университетской жизни в общеевропейской перспек-

тиве, другими словами, обратиться к первоначалам, *ad nervos vivendos* российских университетов, пролить свет на еще не изученные аспекты европейской истории идей. Лишь после этого представлялось возможным провести дальнейшее сравнение: установить, как проходил перенос «идеи университета» в Россию и как она была усвоена в условиях российского государственного и общественного устройства, что при этом менялось и как это в свою очередь оказывало обратное влияние на другие европейские страны. В центре внимания было конструктивное усвоение «идеальной» концепции в новой культурной среде, но это не было простое копирование университетской модели. Для того чтобы проследить этот процесс, необходимо было строго придерживаться уже имеющихся источников и разыскивать в архивах новые.

После завершения этого в буквальном смысле новаторского проекта важно продолжать исследования в этой области, расширять и углублять круг изучаемых проблем. Это может внести, с одной стороны, значительный вклад в изучение истории науки и образования в России и, с другой — сделать его результаты доступными широкому кругу интересующихся этой проблематикой лиц.

В рамках проекта были опубликованы антология текстов по истории «университетской идеи» в Российской империи, словарь иностранных профессоров российских университетов и, наконец, коллективная монография «Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в.». В совокупности эти работы позволяют проследить судьбу «идеи университета» в Российской империи, получить представление о значительной части ее носителей и сторонников, а также многостороннем процессе взаимодействия между научными сообществами востока и запада Европы. В частности, особое внимание в проекте было уделено таким вопросам, как образование специфических институциональных структур университета, формирование научных школ, разделение дисциплин, выработка собственных университетских традиций и др.

В условиях Российской империи научная жизнь и ученая среда приобретают характерные особенности. Развивавшееся университетское самосознание и защита корпоративных интересов определяли отношения университетов с государственными и общественными институтами. С развитием университетов изменялась общественная жизнь в городах, дифференцировались формальные и неформальные повседневные практики и принципиально расширялось пространство светской культуры. Университеты создали новую среду научной коммуникации и ученого диалога. Отсюда исходили важные импульсы к рациональному осмыслению стремительно меняющегося мира.

Полученные результаты проекта «*Ubi universitas, ibi Europa*» дают основание надеяться, что изучение истории российских университетов займет в будущем прочное место в мировой историографии по сравнительной истории университетов. Эти результаты представляют собой богатый материал, который позволяет показать наглядно, как шел процесс переноса транснациональной идеи в имперских условиях, как уже в «национальном» ключе эта идея была усвоена и приспособлена к российским реалиям. Все это убеждает на фоне общеевропейского университетского опыта, сколь разнообразными могли быть пути претворения в жизнь «идеи университета».

В. С. Бакиров, академик Национальной академии наук Украины, ректор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина

Серия книг под общим названием «Ubi universitas, ibi Europa» стала заметным явлением на восточно-европейском историографическом фоне «университетских историй». Дело в том, что долгое время в прошлом, да и сегодня, из печати преимущественно выходили и выходят книги об отдельных университетах. Как правило, это так называемые юбилейные издания. Такие книги важны и интересны, но они не позволяют увидеть общие тенденции, осмыслить феномен университета как такового. И хотя в данном случае также анализируется история далеко не всех университетов Российской империи соответствующего периода, но цель была именно в том, чтобы охарактеризовать трансфер университетской идеи, выявить особенности университета как особого социокультурного феномена на восточно-европейском пространстве, осмыслить его роль в процессах модернизации общества, сравнить исторический путь университетов Запада и Востока Европы.

Собственно, такие цели решала уже первая книга серии — «Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX в.: Антология» (М.: РОССПЭН, 2011). В ней собраны тексты об университете, его функциях и задачах, которые принадлежат интеллектуалам XVIII — начала XX в. Уже это издание позволяет понять, что наши представления об университете являют собою переплетение различных подходов, интерпретаций, версий, гипотез, высказанных в разное время, но не потерявших своей актуальности и сегодня. Данные тексты убеждают нас также в том, что конструирование идеи университета происходило и здесь, в Восточной Европе. Мне приятно отметить, что в том числе к этому процессу приобщились деятели, связанные своей судьбой с Харьковским университетом: К. Якоб, В. Каразин, Н. Костомаров, Д. Каченовский. В книге также впервые представлен перевод на русский язык основополагающих для понимания классического университета трудов В. фон Гумбольдта и Ф. Шлейермахера. Пособие сопровождается пространными комментариями, предисловиями, что делает тексты более доступными для широкого читателя.

Следующая книга — «Иностранные профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.): биографический словарь» (М.: РОССПЭН, 2011) — содержит подробные биографические сведения об иностранных профессорах, прибывших в Россию в отмеченное время, и позволяет лучше понять судьбы тех людей, которые выступили посредниками в процессе указанного трансфера. Более того, совокупный биографический материал позволил впоследствии авторам сделать ряд важных наблюдений и выводов (как об этих профессорах, так и о начальном этапе истории российских университетов), которые шли вразрез с устоявшимися мнениями или существенно их корректировали.

И, наконец, совсем недавно увидела свет монография, которая стала итогом реализации научного проекта, поддержанного Фондом Герды Хенкель: «Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в.» (М.: РОССПЭН, 2012). Этот коллективный труд подытожил все предыдущие наработки авторов и вывел университетскую тематику на качественно новый уровень исследования.

Во-первых, в данном случае, история российских университетов вписана в общеевропейский контекст. Причем, важно подчеркнуть, что в книге речь идет не о простом копировании/переносе, но об адаптации идеи университета в ином социокультурном пространстве. Авторы исследуют сложный процесс восприятия новых культурных форм, утверждения университета как «своего» в местном обществе, творческом усвоении университетских традиций. Во-вторых, исследование основывается на широкой источниковой базе, новейших работах, в том числе зарубежных авторов, и современных методологических подходах (говоря о последнем, отметим использование принципов компаративистики и культурной истории). В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, книга содержит ряд принципиально новых мнений, оценок, характеристик. Например, отметим концепцию «северо-западного» и «юго-западного» векторов трансфера, трактовки «университетской корпорации», «университетской автономии», «университетского стиля жизни», «университетского пространства» и т. п., которые выступают не как пустые абстракции, но как конкретно-исторические понятия, вписанные в свой временной контекст, обратим внимание на фиксацию авторами самих механизмов функционирования университета как социального института и его взаимодействия с внеуниверситетской средой.

Конечно, далеко не все стороны университетской истории проанализированы с достаточной глубиной, некоторые важнейшие аспекты (образовательный процесс и научные исследования) авторы осознанно обошли своим вниманием. Но, как отмечено в конце книги, «университет неисчерпаем, как сама жизнь», и с этим утверждением трудно не согласиться.

Вместе с тем надежду на продолжение такой работы дает само возникновение издательской серии, а также авторитет организации, которая курирует этот процесс, — Германского исторического института в Москве. Хочется надеяться, что новые книги данной серии позволят проследить последующую эволюцию российских университетов, лучше понять метаморфозы их судьбы в советское время, но при этом также не потерять из виду общих тенденций в развитии европейских университетов. Такая работа не только позволит лучше понять прошлое и настоящее университетов, но и взглянуть в их будущее. Уверен, что без университетов будущее невозможно.

Н. С. Борисов, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории России до начала XIX в. Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Появление коллективной монографии «Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века» отражает, на мой взгляд, очевидную тенденцию, заметную в историографии последних 10–15 лет: интерес к истории высшего образования в России, к корням отечественных университетов. В середине 2000-х гг. отметили свои юбилеи старейшие из них на постсоветском пространстве, а историки внесли свой заметный вклад в празднование этих юбилеев. Так, в 2004 г. из печати вышли кардинально обновленные, великолепно оформленные и фундаментальные по содержанию истории Казанского и Харьковского

университетов за 200 лет существования, а затем с некоторой задержкой появилась и юбилейная историческая энциклопедия «Императорский Московский университет. 1755–1917», созданная к 250-летию МГУ и не имеющая аналогов среди предшествующих работ по истории университетов.

Вполне понятно поэтому желание историков в дальнейшем объединить усилия и выпустить сводный труд, в котором бы воедино слились результаты и достижения при изучении каждого из отечественных университетов в отдельности. Надо сказать, что в зарубежной историографии в последние годы выходят именно такие обобщающие работы, которые посвящены не истории конкретного университета, а «университету» вообще — как социальному и культурному институту, развивающемуся по собственным законам, формирующему свои традиции и сферы коммуникаций с обществом и государством. Понять, чем был университет для России, каков его путь, откуда он вышел и к каким горизонтам стремится, — вот довольно дерзкая, но при этом вполне обозримая цель авторов коллективной монографии, к достижению которой они разработали самостоятельную и глубокую методологию, основанную на представлениях о постепенном распространении, своего рода экспансии — трансфере и адаптации — университета и связанной с ним «университетской идеи».

Регион, который служит предметом изучения в монографии, — Восточная Европа и ее университеты два века назад. Московский, Харьковский и Казанский университеты (а в книге речь идет преимущественно о них, хотя часто привлекается история и Петербургского, и Дерптского университетов) предстают перед читателем в их внутреннем единстве (так, именно эти университеты получили от императора Александра I первый в Российской империи высочайше утвержденный университетский Устав), и в то же время — в значительном разнообразии. Казанский как самый восточный из университетов вообще, развивавшийся в мультиконфессиональном и полиэтничном городе; Харьковский, основание которого отвечало чаяниям малороссийского дворянства, стремящегося к высшему образованию (о чем свидетельствовало значительное количество выходцев из Малороссии, обучавшихся в XVIII в. в Европе, а также готовность местного дворянства жертвовать свои средства ради собственного университета); наконец Московский, тысячью нитей связанный с пышной культурой дворянской столицы России, — все эти образы ярко и живо представлены в книге. Ее авторы, историки нынешних России и Украины, тем самым воочию восстановили единое образовательное пространство отечественных университетов, каким оно было в XVIII и XIX вв. и каким оно, даст Бог, еще долгое время останется.

В книге представлено много портретов людей, своим упорным трудом сделавших возможным выполнение отечественными университетами своей просветительской миссии. Их фигуры — живое олицетворение связи российского высшего образования с европейским, воплощенное в фразе, ставшей названием всего исторического проекта: «Ubi universitas, ibi Europa». Среди них в первую очередь выделяется колоссальная личность Михайлы Ломоносова, который по словам Пушкина «и был первым русским университетом». Через таких же, как он, русских ученых, учившихся в западноевропейских университетах, в Россию проникали первые представления и формы организации высшего образования.

Вскоре, в эпоху Александра I, в Россию по вызову Министерства народного просвещения в большом количестве приехали западные университетские профессора. Их было несколько десятков, и многие искренне старались принести пользу новому отечеству, стать частью молодой российской науки и воспитать учеников себе на смену. Последнее же поколение русских профессоров, которое в массовом порядке было направлено учиться за границу, — это поколение Грановского; именно они вывезли из Европы 1830–1840-х гг. само представление о новой науке как о «неисчерпаемом богатстве», которое «еще не найдено, но и никогда не может быть найдено до конца». В середине XIX в. благодаря этим ученым российский университет твердо встал на ноги, окончательно получил общественное признание, высоко держал статус науки и высшего образования.

Помимо общей картины развития отечественного образования, прочерченной крупными и ясными мазками, в книге много очень тонкого, детального анализа, показывающего, как именно в России усваивались первоначально чуждые категории, связанные с организацией университета (ученые степени, должности), научного труда или управления наукой. В целом же появление этой коллективной монографии носит этапный характер. По сути, был выполнен образцовый труд, не только стоящий на мировом уровне (и восполняющий лакуны, существующие в общеевропейской историографии относительно российских университетов), но и стимулирующий к дальнейшим исследованиям — на новой методологической базе и с неизменной актуальностью: ведь всегда, исследуя университеты, мы исследуем некоторым образом самих себя. А это не может оставить равнодушным.

Н. Ю. Сухова, д-р ист. наук, д-р церк. ист., профессор кафедры истории Русской Православной Церкви Богословского факультета ПСТГУ

В последние годы исследовательский интерес к истории российских университетов заметно возрос: об этом свидетельствуют многочисленные статьи и солидные монографии, проводимые конференции, круглые столы, научные семинары. Но и на фоне этого многообразия международный научный проект 2008–2010 гг. «*Ubi universitas, ibi Europa*», объединивший на базе Германского исторического института в Москве исследователей Московского, Харьковского и Казанского университетов, не может не привлечь внимания. Дело не только в масштабности этого проекта — количестве научных конференций, проведенных участниками проекта за три года работы, индивидуальных монографий, коллективных изданий, выявленных, проанализированных и изданных материалов, широкой палитре поставленных и изученных вопросов. Главное значение реализованного проекта — в новизне исследовательской проблемы: изучении процесса институционального трансфера и адаптации в России европейских университетских концепций. Эта новизна отражена и в итоговой коллективной монографии «Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века», изданной участниками проекта под общей редакцией профессора Московского

государственного университета и профессора ПСТГУ А. Ю. Андреева и профессора Харьковского национального университета С. И. Посохова.

Разумеется, влияние европейских образовательных моделей на формирование и развитие российских университетов не могло остаться незамеченным историками второй половины XIX—XX вв., и историографический обзор, приведенный в монографии (С. 20–26), подтверждает это. Однако ряд теоретических вопросов, поставленных участниками проекта, определил его принципиальное отличие от существующих наработок.

Прежде всего это попытка соотнести фундаментальные теоретические выводы, относящиеся к истории европейских университетов в целом, с детальным анализом конкретных университетов Российской империи указанного периода. Здесь важен и внутренний, российский, аспект — изучение каждого университета, прежде всего Московского, Харьковского, Казанского, а по мере необходимости и остальных (Санкт-Петербургского, Дерптского и Виленского), в образовательном пространстве империи, — позволивший по-новому подойти к самому понятию «российские университеты». Но еще более интересен внешний аспект: заметив, что соотношение «общего» и «особенного» в развитии университетов гибко и подвижно, участники проекта детально изучили перенесение образовательных идей Европы в Россию в разные периоды, выявив степень влияния этих идей, их постепенную адаптацию, «наложение», сплетение, противоречия и конфликты. В связи с этим следует обратить внимание на раскрытие составителями итоговой монографии ключевых понятий «трансфера» и «адаптации» (С. 12–13), подчеркивающее, с одной стороны, сложность самих механизмов утверждения в России новых образовательных идей, с другой стороны, творческое участие российских деятелей в этом процессе, дающее новые черты перенесенным идеям, их трансформацию и обогащение.

Чрезвычайно важным представляется выделение двух «путей трансфера» европейских образовательных идей в Россию или двух «векторов влияния»: юго-западного (из южно-немецких и польских католических земель) и северо-западного (из немецких протестантских земель) (С. 13–14). Эти векторы можно выявить в истории всего российского образования. Авторы монографии отмечают результат первого трансфера — образование и развитие в XVIII в. под управлением Русской Православной Церкви академий и коллегиумов, близких по организации к иезуитским (С. 81–121). Отголоски этих же тенденций можно заметить в духовно-учебной реформе начала XIX в. (1808–1814), в результате которой в Российской империи была создана система из четырех духовных академий (Петербургской, Московской, Киевской, Казанской), которые, с одной стороны, были, как и российские университеты, наследницами старых академий, находившихся в тех же городах, с другой — представляли новую модель со сложным сочетанием разновременных европейских влияний. Второй же трансфер дал не только проекты в духе немецких «модернизированных» университетов, реализованных в определенной степени в Московском университете 1755 г. (С. 122–170), но в дальнейшем и радикальное преобразование российских духовных академий в 1869 г. Работа, проделанная участниками университетского проекта, и ювелирное осмысление указанных понятий побуждают историков

духовной школы более пристально проследить влияние этих трансферов в области духовного образования.

Особый интерес представляет изучение адаптации университетских должностей, ученых степеней и званий в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. (С. 227—470). Важным представляется замеченное авторами монографии оригинальное соединение различных концепций в многоуровневой системе научной аттестации, зафиксированной Уставом российских университетов 1804 г. и развитой «Положением об ученых степенях» 1819 г. (С. 356—388). Выявленные идеи — понимание докторских и магистерских степеней как университетских должностей; подготовки университетских магистров к кафедрам как зачатка «аспирантуры»; «кандидатов» как потенциальных учителей, — не только позволяет разобраться в непростом феномене российской научно-педагогической аттестации, но и объясняет доселе сохраняющееся ее отличие от европейской аттестации.

Чрезвычайно важен и затронутый в монографии вопрос о значении университетов с их профессорами и студентами для российского социального и городского пространства. Авторы касаются в числе прочего и вопросов, которые обычно остаются на периферии университетской историографии: университетские здания в городском контексте, неформальные корпоративные отношения, университетские семьи, их досуг, салоны, дружеские застолья. Эти стороны университетского бытия не только крайне интересны, но открывают новые стороны в истории национальной культуры и российского интеллектуального общества.

Многоаспектность и глубина исследований, проведенных в рамках проекта, и значимость результатов, представленных в итоговой монографии, как кажется, «закрывает» тему: историю российских университетов XVIII — начала XIX в. Однако хочется надеяться на обратное: проект открыл новые перспективы, выявил палитру вопросов, которые до этого просто не могли быть поставлены. Следует согласиться с завершающей фразой авторов монографии: «Ведь университет неисчерпаем, как сама жизнь» (С. 671). И это «ключевое» место в истории высшего образования Европы и России, которое занял завершённый проект, также является его несомненным достоинством.

В. С. Савчук, д. и. н., профессор Днепрпетровского национального университета им. Олеся Гончара, академик АН высшей школы Украины

Менее всего хотелось бы, чтобы мои короткие заметки в рамках круглого стола рассматривались бы в качестве рецензии на книгу. Такое фундаментальное издание, написанное в рамках очень интересного проекта и вышедшее под общей редакцией известных исследователей университетской истории А. Ю. Андреева и С. И. Посохова, требует значительно большего времени на его анализ, чем то, которое имел пишущий эти строки. То, что книга вызывает неподдельный интерес, несомненно. Автор этих заметок сам много занимается вместе со своими учениками вопросами как университетской истории, так и развития современного университетского образования и поэтому хотел бы высказать некоторые соображения по поводу этой монографии. Соображения эти, конечно, субъек-

тивны, отражают позицию их автора, опираясь, однако, на опыт исследований в этой сфере.

Исследовательские задачи, в числе которых были внутрикорпоративные отношения в российских университетах и взаимоотношения корпорации с внеуниверситетской социальной средой в современной отечественной историографии в таком масштабе, в такой разноплановости и многообразии взаимосвязей и взаимоотношений, поставлены и решаются впервые. Хочу обратить внимание, что начало такому подходу в отношении жизни и деятельности университетов Российской империи мы находим в работах досоветского периода, в частности у Д. И. Багаля, который много внимания уделял как раз проблемам взаимоотношений как внутри университетской корпорации, так и связям университетских деятелей с местным обществом. В то же время степень обобщения, осмысление развития университетской системы в Российской империи и т. п. в контексте общих тенденций развития университета в Европе, выявление путей трансфера университетских воззрений в Россию, представленные в данной монографии, конечно, создают новый концепт, который должен исследоваться на новом уровне исторического сознания.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, это появление в последние десятилетия концепта историографического мифа гумбольдтовского университета. На мой взгляд, вопрос не так прост и однозначен. В монографии указывается (с. 28–29), что из дискуссии историков «представление “классической”, или “гумбольдтовской”, университетской модели было обосновано («открыто», «сконструировано») спустя сто лет после основания Вильгельмом фон Гумбольдтом Берлинского университета и тем самым представляет собой типичный историографический миф». И далее речь идет о том, что это совсем не отрицает «значимости воздействия не только Берлинского, но и других немецких университетов... на формирование нового университетского идеала и концепций университетских реформ...». Поддерживая последнюю точку зрения, выскажу некоторые соображения по поводу формирования историографического мифа о гумбольдтовском университете.

На мой взгляд, онтологические основы современного мифа о гумбольдтовском университете, который мы в первую очередь уподобляем немецким университетам в их интегральной организации деятельности в начале XIX столетия (если это действительно миф), можно отнести уже к XIX столетию. Формировался он и самими представителями немецкой профессорской корпорации. Сомневающимся в этом отсылаю к речи немецкого ученого с мировым именем Г. Гельмгольца, которую он произнес при вступлении в должность ректора в университете Фридриха-Вильгельма, в Берлине, 15 октября 1877 г.

Замечу также, что вряд ли президент Стенфордского университета Герхард Каспер находился под влиянием историографического мифа, когда, обращаясь к слушателям, высказал такую мысль: «Я советую вам прийти домой, снять с книжной полки томик Гумбольдта и прочесть эти десять страниц “О внутренней и внешней организации высших учебных заведений в Берлине” — вероятно, самое впечатляющее, что когда-нибудь написано об университете, как таковом». Думается, что за этим стоит убеждение человека, не только досконально изучив-

шего эту работу, но и приведшего Стенфорд к мировым высотам университетского образования.

Поскольку и автор заметок, и его ученица (канд. ист. наук Ю. А. Фесько, защитившая диссертацию по соответствующей тематике) исследовали деятельность немецких ученых в Российской империи в первой половине XIX столетия, в частности в Харьковском университете, то этот раздел книги вызвал немалый интерес. Хотелось бы заметить, что многое из того, что было сделано в университетах Российской империи немецкими и другими иностранными учеными, до сих пор воспринимается неоднозначно. Исследование научного вклада, организационно-научной деятельности (затронутое в монографии, в частности в сфере организации выпуска периодических изданий), новых корпоративных взаимоотношений в этом контексте и т. п. могло бы послужить основой нового, на наш взгляд, замечательного проекта, выполнение которого могло бы привлечь и других исследователей университета в Российской империи, в частности историков науки.

Беглые заметки по поводу выхода из печати рассмотренной монографии не могут, конечно, заменить обстоятельного ее анализа, но они важны для меня, чтобы передать первое впечатление от книги, которое вызывает самые положительные эмоции и ощущение ее необходимости, и пригласить к дальнейшей дискуссии, к обсуждению возможности продолжения подобных исследований, особенно на уровне создания международных групп ученых, занимающихся этой проблематикой.

А. Е. Иванов, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Должен сказать, что я с радостью выскажу свое мнение о книге, потому что, хотя я и занимаюсь преимущественно исследованиями по истории российских университетов другого периода, относящегося к концу XIX и началу XX в., но давно слежу за трудами всех участников этого проекта, и их результаты очень востребованы не только для понимания развития отечественной высшей школы на ее начальном этапе, но и в последующую эпоху.

Первое, на что следует обратить внимание, говоря об этой коллективной монографии, — это то, что в ней, как во всем проекте «Ubi universitas, ibi Europa», замечательным образом прослежена генетика университетской идеи в России. Показаны ее европейские корни, уходящие в далекое средневековье, но в то же время и прослежено, как она видоизменяется, приспособляется к российским условиям, оставаясь при этом в своем стержне неизменной — представлением об университете как о свободной корпорации ученых (хотя и вписанных в реалии государственного строя), объединенных вместе ради науки и обучения молодежи. Свою важность и актуальность эта идея сохранила в России, на мой взгляд, вплоть до сегодняшнего дня.

Во-вторых, в монографии впервые было столь детально и подробно показано функционирование различных институций, составляющих университетское целое — административной власти (попечитель, ректор, деканы), коллегиаль-

ных органов (Совет, Правление), ученой иерархии степеней и должностей и т.д. Такой комплексный анализ был просто необходим нашей историографии. Он показал, какой новый смысл приобретали в России многие устоявшиеся понятия европейского университета, как они соотносились с данностями российской службы, ведомственного подчинения, как внутри университета функционировали механизмы самоуправления, становление которых было отнюдь не простым делом.

В-третьих, значительная часть книги посвящена исследованию российского университета в городском пространстве. Здесь авторы опирались на уже существующие работы, но и смогли показать много нового, в частности подчеркнуть культуuroобразующую роль университетской (профессорской) семьи, профессорского дома как центра притяжения не только его товарищей-коллег, но и учащихся, и вообще культурной жизни города. Эти выводы кажутся очень важными, и их можно углублять в дальнейших частных исследованиях на примерах отдельных университетов и их профессуры.

Наконец, в данной монографии, по моему мнению, авторам удалось выстроить своего рода «матрицу» описания российского университета в целом. Эта матрица носит универсальный характер, поскольку ее можно дальше развивать и прилагать к другим эпохам его истории, вплоть до советского периода. Исследования о профессуре, студенчестве, механизмах управления, ученой аттестации, связях с городской культурой и обществом для советского времени еще только начинаются, и можно надеяться, что, опираясь на такие фундаментальные опыты, как представленная работа, и здесь будут достигнуты значимые и интересные результаты.

Ф. А. Петров, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея

Коллективная монография, подготовленная в рамках проекта «Ubi universitas, ibi Europa», посвящена анализу процесса становления и развития российских университетов. Новизна рецензируемого исследования заключается в том, что его авторы впервые рассматривают этот процесс в широком контексте общеевропейской истории университетского образования, которое к моменту основания первого российского университета насчитывало уже не одно столетие. Подобный аспект представляется вполне оправданным, ибо позволяет дать всестороннюю оценку роли и значения университетов Российской империи в общеевропейском культурном и научном пространстве. Решению этой задачи способствует привлечение многообразных исторических источников (в том числе архивных), а также анализ историографии «университетоведения», в том числе зарубежной.

Это позволило авторам монографии сделать ряд ценных наблюдений и оригинальных, научно обоснованных выводов.

Так, они по-новому взглянули на пресловутый «университетский вопрос», столь ярко вставший на повестку дня в период подготовки и проведения Вели-

ких реформ 1860-х гг. Характерное для России противопоставление университетской автономии самодержавно-бюрократическому строю восходило к академическим обычаям средневековой Западной Европы, которые там давно уже были изжиты. В этом отношении наиболее реалистичной и до деталей продуманной (с учетом конкретно-исторических реалий) выглядит университетская реформа С. С. Уварова, которая, по нашему мнению, окончательно закрепила государственную систему университетского образования в России и вместе с тем поставила университеты в учебно-педагогическом и научно-исследовательском отношении наравне с ведущими университетами Западной Европы. Отрицание николаевской системы как таковой в период либеральных образований грозило тем, что «вместе с водой могли выплеснуть и ребенка» (идея открытых университетов, отказа от традиционной лекционной формы обучения, выдачи дипломов и т.п.).

Авторы исследования стоят на сугубо научной точке зрения, отмечая конъюнктурные попытки «удревнить» возраст отдельных университетов — Петербургского и Балтийского федерального университета в Калининграде, хотя последний ничего с российской университетской традицией просто не мог иметь (С. 31, 82). Справедливо критикуется и засорение истории университетов различными культурологическими и социологическими терминами. К сожалению, и сами исследователи не избежали подобных выражений. Лично мне не очень нравится выражение о «трансфере» университетских идей и тем более фраза, что «агентами трансфера являлись, прежде всего, носители университетской идеи...» и т.д. (С. 41).

Глава 1 исследования озаглавлена «Перенос представлений об университетской корпорации в Восточную Европу до начала XIX века». Может быть, в заголовке следовало вынести содержащуюся в тексте очень важную мысль о том, что основание университетов в России во 2-й половине XVIII — 1-й четверти XIX в. совпало с политикой «огосударствления» университетов в Западной Европе. Это, собственно (с теми или иными «перегибами» и далеко не всегда удачными «национальными особенностями»), было характерно и для России. По мнению авторов, российский университет «в той же, если не в большей степени, что и европейский, демонстрировал смешанную природу, т. е. сочетал в себе черты и корпорации, и государственного учреждения», не будучи при этом в чистом виде ни тем, ни другим (С.169).

Само же по себе выделение «юго-западного» и «северо-западного» векторов трансфера (примем это слово) представляется вполне убедительным. И в Россию были привнесены две университетские традиции — «венская с ее тотальным внутренним контролем» и гёттингенская (С. 393). Победа второго вектора в России облегчалась отсутствием светского образования, отягощенного богословской схоластикой, и мощью самодержавной Российской империи, весьма отличавшейся от раздробленных немецких государств. В этом отношении важным представляется раздел, посвященный государственному контролю над университетом (С. 136–142), в котором авторы по-новому интерпретируют, казалось бы, хорошо известные факты. Так, в частности, рассматривается дилемма «ректор — директор», которая периодически обострялась в различное время в раз-

личных университетах России, а в 1819–1821 г. сыграла крайне негативную роль во время так называемой петербургской истории.

Рассматривая ставший особо актуальным в современных реалиях вопрос о финансировании университетов, авторы монографии разбирают различные формы стабилизации бюджета Московского университета. При этом делается совершенно четкий вывод, что «крупнейшим благотворителем выступило все же государство» (С. 159). Обращается внимание на высокие пенсии профессоров в российских университетах, в отличие от западноевропейских, что делало их весьма привлекательными для тех иностранных ученых, которые рассчитывали надолго и всерьез связать свою жизнь и деятельность с Россией.

В главе 2 либеральный университетский устав (1804 г.) впервые рассмотрен на фоне общей реорганизации университетов в Западной Европе на рубеже XVIII–XIX вв., ознаменовавшейся борьбой двух диаметрально противоположных систем — утилитарной французской и подчеркнута антиутилитарной, «гумбольдтовской». С интересом ознакомившись с аргументированным мнением о решающей роли проректора Дерптского университета Г. Ф. Паррота в организации университетской автономии в России (С. 189–195), мы все же считаем, что полностью отбрасывать другие проекты устава (которые также анализировались авторами монографии) нельзя.

Но в целом можно согласиться с отсутствием целенаправленной политики Министерства народного просвещения в области университетского образования в александровскую эпоху. И совершенно справедливо говорится о роли С. С. Уварова, прежде всего в отношении его «кадровой политики», позволившей привлечь в российские университеты выдающихся ученых и педагогов, многие из которых не только стали кумирами российского студенчества, но и получили европейское признание. Собственно говоря, об этом Уваров уже после ухода в отставку говорил Т. Н. Грановскому. По мнению авторов, вопреки скепсису старых университетских профессоров «исследовательский императив, тем не менее, победил, и произошло это ... благодаря массовому воспитанию новых российских профессоров в передовых немецких университетах...» (С. 421).

В этом отношении интересна трактовка самого понятия «ученое сословие», которым попытались перевести не имевшееся в русском языке понятие «университетская корпорация». Авторы совершенно справедливо приводят четкую формулировку «ученого сословия», данного в 1834 г. М. П. Погодиным, который еще за 10 лет до этого безапелляционно записал в своем дневнике: «У нас только то, что правительство сделает для народного просвещения», только то и есть. Можно согласиться с авторами, что «в процессе адаптации в России “двойственного” облика профессора, — с одной стороны, носителя традиционных корпоративных практик, с другой стороны, государственного чиновника — побеждает третья его «ипостась» — носителя знаний, исследователя, прокладывающего путь для широких слоев образованного общества» (С. 426).

Трезвое размышление о роли и месте университетского профессора, свойственное авторам монографии, позволяет реально посмотреть на отдельные драматические коллизии в университетах, которым дана уже, казалось бы, окончательная оценка. Безусловно, в 1840-е гг., особенно в Московском университе-

те, сформировался новый тип профессора — не только педагога, не только ученого, но и личного примера для студентов — носителя гуманистических идей и либеральных политических идеалов. Говоря о Т. Н. Грановском, П. Г. Редкине, К. Д. Кавелине как о носителях этих идеалов, в то же время нельзя не согласиться с мнением, что они несколько переоценили свою значимость, о чем свидетельствует их демарш по отношению к коллеге, также весьма популярному у студентов («крыловская история», см. с. 424–425). Подобные коллизии, повторявшиеся и впоследствии (уход из университета Б. Н. Чичерина, Ф. М. Дмитриева в середине 1860-х гг.), постепенно приводили к своеобразному «бронзовению» (слово Андрея Белого) профессоров, переоценке своей роли в общественной жизни страны. Впрочем, вспомним, что еще в начале 1830-х гг. профессор Н. И. Надеждин публично, в печати заявил о невозможности критиковать даже его научные взгляды, ибо тем самым подрывается уважение к чиновнику Министерства народного просвещения.

Глава 3 посвящена «адаптации университетских должностей и званий в российской империи XVIII — первой половины XIX в.». Особое место, безусловно, занимал попечитель (в XVIII в. — куратор) университета. Мы согласны с авторами насчет существенных различий между независимой фигурой куратора — покровителя наук, и попечителя — высокопоставленного чиновника, включенного в иерархическую министерскую структуру (С. 248–249). И, говоря о трех поколениях кураторов — попечителей, все же, если взять только Московский университет, можно видеть куда больше общего между И. И. Шуваловым, И. И. Меллисино, М. М. Херасковым, М. Н. Муравьевым, графами А. К. Разумовским и С. Г. Строгановым, с одной стороны, и В. Е. Ададуровым, П. И. Голенищевым-Кутузовым, А. А. Писаревым, Д. П. Голохвастовым — с другой.

Что же касается роли ректора, то нам представляется, что в тот период, несмотря на наличие отдельных выдающихся педагогов, таких, например, как И. А. Гейм или А. А. Прокопович-Антонский в Московском университете, М. А. Балугьянский в С.-Петербургском и конечно же Н. И. Лобачевский — в Казанском, она была все же второстепенной в первое время существования университетов. Сами авторы справедливо указывают, что «был важен не научный авторитет ректора, а его участие в системе локальных социальных систем, что в России достигалось, прежде всего, благодаря прямым контактам ректора с попечителем и местным дворянством» (С. 299). Вряд ли это можно было отнести к ректорам 2-й половины XIX — начала XX в., таким как С. М. Соловьев или кн. С. Н. Трубецкой. Что касается увеличения срока пребывания ректора в должности (С. 301–303), то мы считаем эту меру вполне оправданной для разумного хода университетской жизни в России.

Не сразу соответствующий статус получила в России должность декана, от которого вплоть до устава 1835 г. не требовалось высшей ученой степени, что приводило к естественным коллизиям с университетским сообществом. Помимо деканов, большую роль, как справедливо указано в книге, играли так называемые фигуры влияния — отдельные профессора и даже адъюнкты (тот же Грановский, К. Д. Кавелин), не занимавшие никаких административных должностей. Роль этих людей проявлялась в критические для университетов перио-

ды. Порой профессора становились жертвой попечителей — М. Л. Магницкого в Казани и Д. П. Рунича в С.-Петербурге, которых всецело поддерживал «министр духовных дел и народного просвещения» кн. А. Н. Голицын. Но порой дружная группа ведущей профессуры Московского университета могла, например, убрать А. А. Писарева, к которому не очень-то благоволил кн. К. А. Ливен (С. 272).

Впрочем, несмотря на отсутствие корпоративного опыта, университетский механизм в России заработал достаточно быстро и эффективно. Мы даже высказали парадоксальную мысль: достаточно бурное, с периодами суровой реакции и революционных потрясений время существования университетов в России, весьма короткое по сравнению с университетами Западной Европы, позволило им избежать периода схоластической стагнации. Разумеется, речь не идет о тех университетах, которые, подобно Гёттингенскому, Гейдельбергскому, Берлинскому и другим, были, по выражению М. О. Гершензона, «Меккой» для российского студенчества.

Несколько слов о подходе авторов к проблеме студенчества. Безусловно, зачастую действительно у студентов, как указано на с. 445, «стремление к знаниям заменялось стремлением к чину». И все же подобное утверждение выглядит чересчур категоричным. Позволю себе небольшое личное отступление как студент Истфака МГУ почти полувековой давности. Карьеристов хватало и во времена моей учебы (1967–1972), но никогда их процент не «зашкаливал». Работа по избранной профессии, что прежде всего относилось к медикам, учителям, обрекала их на тяжелый и порой опасный для жизни труд. Что же касается зачисления в университет юношей, не достигших 17 лет, то здесь играли роль не только соображения карьеры. Отдельные одаренные юноши явно перерастали своих сверстников. Достаточно привести примеры А. С. Грибоедова, Ф. И. Тютчева, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева и К. С. Аксакова в Московском университете. И еще одно соображение. Авторы цитируют мое выражение о «патерналистской политике» университетских властей по отношению к студентам. Хочу подчеркнуть, что я в принципе считаю эту политику уместной для России вообще.

Продуманным и весьма ценным представляется раздел II «Университет в социальном и городском пространстве Российской империи». Не вдаваясь в дискуссию о том, когда университет стал восприниматься как неотъемлемая часть городского пространства, без которого город был немислим, мы бы определили в качестве грани 1812 год. Вспомним герценовские слова: «Московский университет вырос в своем значении вместе с Москвою после 1812 года...». Примечательно, что в «Списке сгоревших, взорванных и уцелевших строений после оставления Москвы французами» среди сожженных зданий Университет назван *до* Дворянского собрания (см.: Москва в 1812 году: Воспоминания, письма и официальные документы из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея. М., 2012. С. 292).

Авторы монографии, основываясь на собранных сведениях о 104 профессорах иностранного происхождения (эти материалы опубликованы в издании, подготовленном А. Ю. Андреевым и А. М. Феофановым, «Иностранцы профессора российских университетов (вторая половина XVIII — первая треть

ХІХ в.)»: Биографический словарь. М., 2011), составили коллективный портрет ученых-иностранцев. Обращает на себя внимание, в частности, то, что приглашенные ученые были весьма молоды: средний возраст в разное время колебался от 28 до 33 лет (С. 495), что позволило им легче адаптироваться к российской действительности. Мы не склонны целиком брать на веру слова яркого, но и тенденциозного профессора Х. Роммеля о кардинальной противоположности иностранных и русских профессоров, поскольку для первых главным были «высокие общечеловеческие и научные интересы», а для вторых — утилитарные государственные задачи. Для многих приезжих из Западной Европы главным были прежде всего материальные соображения, а деньги они получали все от того же нещадно критикуемого ими российского правительства. Впрочем, справедливо отмечен и тот факт, что в период постоянных наполеоновских войн, охвативших в начале XIX в., так или иначе, территории всех немецких государств, переселение их в Россию, особенно в Казань и Харьков, предоставляло им определенные гарантии стабильности. Помимо недостаточного обеспечения книгами, оборудованием и т.п., решающую роль в трудностях адаптации играл языковой барьер. Пример И. А. Гейма, который уже с 1786 г. и в течение 35 лет до конца жизни читал лекции на русском языке, был почти единичным. И даже такие европейские знаменитости, как «русский Кювье» Г. И. Фишер фон Вальдгейм, не смогли добиться той популярности, какую имели русские профессора, зачастую явно уступавшие им в научном багаже, зато «свои». Поэтому и публичные выступления профессоров-иностранцев были чтениями для узкого круга избранной молодежи, тогда как лекции А. Ф. Мерзлякова в предвоенной Москве в начале 1812 г., не говоря уже о лекциях Т. Н. Грановского 1840-х гг., равно как и его «антагониста» С. П. Шевырева, привлекали образованных жителей столицы обоего пола. Ментальности русских студентов и преподавателей противоречили попытке ряда иностранных профессоров вести торговлю, что в Западной Европе было достаточно распространенной практикой.

В главе 5 «Российский университет и формирование нового социального облика российского города» рассматривается быт университетского ученого, создание необходимых условий для его педагогической и творческой деятельности. Наряду с потребностью в уединенной деятельности профессора нуждались в неформальном общении с избранным кругом «образованного общества», своими талантливыми учениками, и к середине XIX в. формы этих общений установились в виде устройства различных «дней» на профессорских квартирах. Впервые детально рассмотрен вопрос о так называемых профессорских семьях, позволявших спокойнее себя чувствовать не только представителям иностранной ученой среды в различных российских университетских городах, но и породнившимся с семьями русских профессоров, что, безусловно, если не устраняло, то сглаживало коллизии между «нашими» и «ненашими».

Разбирая феномен российских университетов на общем фоне европейской университетской жизни, авторы приходят к важным заключениям в сфере «диалога культур». Трудности, с которыми столкнулись российские университеты, как в период адаптации западноевропейской учености, так и в дальнейшем развитии, не могли исключить роль российского университета не только как учено-

го и научного центра, но и как «действенного фактора позитивных социальных перемен» (С. 671).

Как и любая работа, рецензируемое исследование не свободно от ряда недостатков. Так, трудно согласиться с трактовкой личности известного ученого, профессора Казанского университета, члена-корреспондента императорской Академии наук И. М. Симонова как заурядного интригана против Н. И. Лобачевского (С. 308–309), тем более что они связаны были дружбой еще со студенческой скамьи. К сожалению, отсутствует именной указатель, который крайне необходим для быстрого ориентирования в достаточно сложной структуре книги.

Но все эти частности не влияют на общую высокую оценку рецензируемого труда. Его отличает фундаментальный, системный характер и новаторский подход к решению многих важных проблем, которые остаются актуальными и в наше время, характерное утратой многих накопленных веками традиций, в том числе и в сфере народного образования.